

АЛЕКСЕЙ СКИБИЦКИЙ

ЛИШНИЙ

ПОТУСТОРОННИЕ ЗАПИСКИ

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

18+

Алексей Владимирович Скибицкий Лишний. Потусторонние записки

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42628616
SelfPub; 2022*

Аннотация

После случайной встречи с бывшим сокурсником Ольга принимает его предложение устроиться к нему в фирму переводчицей и переезжает в другой город вместе с сыном. Володя, сын Ольги, знакомится с Александром, бывшим жильцом их новой квартиры. Но вот только Александр два года назад покончил с собой, его мать умерла, а сожитель матери сошел с ума и отправлен в дом душевнобольных. Месть – это то, что заставляет задержаться в мире живых, ради справедливости.

Содержит нецензурную брань.

Содержание

Часть 1.	4
Глава 1.	4
Глава 2.	21
Глава 3.	33
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Алексей Скибицкий Лишний. Потусторонние записки

Часть 1.

Глава 1.

1

Скверно. Жутко скверно на душе. Словно дюжина чертей подняли со дна мать самого глубокого омута. Все обиды, все самые скверные воспоминания нахлынули как-то разом, не давая возможности опомниться. Словно гигантский тайфун, долго дремавший где-то в глубинах сознания, одним махом накрыл всё существо, не давая пути к отступлению и не оставляя даже самых потаённых уголков души нетронутыми. Отступившая волна оставила на губах лишь немой крик, огромную печаль в переполненных слезами озёрах глаз и пустоту, пустоту, пожирающую сознание как голодный и кровожадный зверь.

Сегодня Саня опять поругался с матерью. На этот раз скандал был грандиозным. Его внезапное появление дома вызвало разлад в отношениях матери с её бой-френдом, который и встречался-то с ней, по всей видимости, преследуя лишь одну цель: это была их большая трёхкомнатная квартира, находящаяся в центре города. Наталья, мать Саши, ещё молодая и довольно привлекательная, тридцати с небольшим лет женщина, была просто до беспамятства влюблена в своего ухажёра и мечтала выйти за него замуж. Разумеется, оно бы так и случилось, если бы не довесок в виде почти уже взрослого четырнадцатилетнего сына. Саня долго терпел "близорукость" матери, и имел неосторожность поделиться с ней впечатлениями о её романе, этот разговор и стал роковым для подростка, в котором, как считала мать, и заключались проблемы её неудавшейся личной жизни.

После всех этих материнских криков, истерик со слезами и упрёков в своём существовании, Саня закрылся у себя в комнате и попытался найти успокоение в музыке любимой группы. Но музыка не помогала. Возникшая паника чувств не отпускала. Чувства нахлынули с такой внезапностью и с такой силой, что когда он очнулся и пришёл в себя, новый день уже начинал вступать в свои права. Это не был сон. Нет, он вовсе не спал. Его и без того нарушенная детская психика, не смогла выдержать такого натиска и накала страстей, обрушившихся на него со стороны самого близкого для него человека – его матери, и дала сбой. Образовавшийся вакуум

в душе начинал заполняться самыми нелепыми и наивными вопросами: « За что? Зачем? Почему? Неужели я желал ей зла? ОНА МНЕ МАТЬ, А Я ЕЙ КТО?». Вопросы, вопросы, вопросы. Вопросы, уходящие в глубину сознания и не находящие ответа. И всё же один, наверное, самый главный вопрос, никак не выходил из головы и не давал покоя – что дальше? Как жить дальше вместе с матерью, если я для неё просто обуза, я – лишний? Он поймал себя на этой мысли. Вот оно, вот то главное слово, дающее объяснение и ответы на все возникшие вопросы – он лишний. Лишний не в данный момент или в данной ситуации, а лишний именно вообще, лишний в её жизни. Какое простое и часто употребляемое слово, но как больно бьёт по сердцу.

Дом, семья, и самое главное слово, которое связывает эти два понятия – Мать, всё рушится в один миг. Мир в ещё по-детски наивном сознании переворачивается с ног на голову. Мать – это святое слово, значение которого не надо объяснять никому, ребёнок рождается уже со знанием этого понятия и чтит его всю свою жизнь. И невозможно представить, какой переворот может случиться в детской душе после осознания того, что самый близкий тебе человек, каким бы он не был, может вот так просто стать предателем, предать то, что было для тебя всегда свято – семью, своего единственного, единоутробного ребёнка. Но как бы мы не старались изобразить весь ужас подобной ситуации, такие случаи, к сожалению не единичны и не редки. Возможно, именно в та-

ких ситуациях, от недостатка материнской любви, заботы и внимания, и вырастают люди, которые являются уже неотъемлемой частью любого цивилизованного общества, и ставящие свои личные интересы превыше всех положительных моральных качеств, присущих изначально каждому человеку – люди, преступающие закон. И никто не в силах предсказать, как сложится жизнь подобного человечка: вырастет ли он преступником, станет ли он гением, или же просто уйдёт из жизни как ненужный никому элемент.

Что это? Мне так легко и даже как-то невесомо. Я стою посреди своей комнаты и смотрю на какого-то юношу вскрывшего себе вены. Мне не страшно, скорее интересно: кто это? Внимательнее присмотревшись, осознаю всем телом, всем своим существом, что это я сам лежу там, в большой луже крови. Вот значит, откуда такая лёгкость! Ну что ж, выходит, я всё-таки уже труп. Забавно, а чувствую себя как никогда живым. И что теперь мне делать? Мыслей нет. Иду на кухню, сажусь на табурет. Заставляю себя вспомнить всё, что произошло. Голова потихоньку начинает наполняться какими-то, пока ещё не совсем ясными, но постепенно приобретающими всё более чёткие очертания, мыслями. Сегодня я поругался с матерью, после чего она ушла. Что дальше? Ага, вспомнил, дальше я закрылся у себя в комнате, включил лю-

бимую музыку, пытался с помощью её уйти от таких неприятных, таких ежедневно происходящих, отчего они становились ещё более страшными и невыносимыми, проблем. Вся ночь прошла, словно в забытьи, я не спал и как бы не бодрствовал, сидел и обдумывал свою невеселую жизнь. Когда-то я прочитал книгу Генрика Сенкевича «Камо грядеши», и сейчас мне вспомнилась сцена, как высший свет того времени уходил из жизни при помощи вскрытия вен, наверное, этот способ самоубийства считался тогда самым гуманным, только и мне пришла в голову точно такая же мысль – сделать себе кровопускание. И так, сидя на полу своей комнаты, с опасным лезвием в руке, я принял то самое, уже непоправимое, решение.

Сажу на кухне, обдумываю содеянное, думать ничего не мешает. В квартире тихо, слышно даже как за стенкой проснулся сосед, и начал ходить по квартире, собираясь на работу. Жду, что будет дальше. Скоро должна прийти мать. Но вдруг, не открыв двери, входят двое мужчин в белом. Они садятся со мной рядом на кухне. Один из них говорит, что я, вероятно, уже осознал, что со мной произошло, и что тем хуже для меня. Поскольку до сего времени за мной не числилось тяжёлых грехов, то я заслужил рай, но я самоубийца, а это очень большой грех, и поэтому для меня места в раю нет, гореть мне в аду. Я молчу, слушаю, потом говорю, что, мол, что заслужил, то пусть и будет. Они приятно удивлены моими взрослыми словами. Тогда решили, что мне всё рав-

но быть на земле сорок дней, когда они придут за мной через этот срок, тогда и решат что со мной делать, куда определить. И они, не вставая со стульев, исчезли. Вот, думаю, удивить решили, а то я не знал про самоубийц, у них даже кладбище специальное, своё. Да хрен с ними, чему быть того не миновать. Сижу дальше один на кухне, думаю, чем бы заняться. Хочу послушать любимую музыку, только как теперь пользоваться бытовыми приборами, я ведь неживой. Хотя почему неживой, вот он я сижу вполне живой, и даже только что разговаривал с себе подобными. А магнитофон всё равно включить не получится. Жаль.

Слышу, как поворачивается ключ в дверной скважине. Щелчок. Дверь раскрывается нараспашку, весело смесь, в квартиру вваливается слегка поддатая мать со своим уха-жёром. Дверь со стуком захлопывается. Они бесцеремонно, прямо в коридоре, начинают целоваться и сбрасывать с себя одежду. Я стою в дверях кухни, смотрю на них. А ничего, даже прикольно. Они смотрят прямо сквозь меня, на кухню, и меня, конечно же, не видят. И всё-таки мать вовремя спохватилась, вспомнив о моём существовании. Они удалились в свою комнату, и ещё минут сорок там веселились. Во у них здоровья-то! Потом мать вышла из комнаты и вслух, чтобы услышал я, сказала, что они уже пришли, и скоро мы будем кушать. А то я никогда не слышал, когда вы приходите, всегда одно и то же. Какая чушь! Она кричит: «Саш, вставай, умывайся, я завтрак приготовила». В ответ тишина. То-

гда она раскрывает дверь моей комнаты. Всё. Вот, этот такой долгожданный момент!

Она стоит на пороге моей комнаты, смотрит на всё выкатившимися из орбит глазами, что-то пытается произнести открытым ртом, а изо рта, как у рыбы, только пузыри лезут. Она сильно жестикулирует руками. И вдруг падает без чувств, прямо в лужу моей крови. Ну ничего себе представление! Уж чего-чего, а такого бурного излияния чувств я от неё не ожидал. Мне её даже чуточку жаль стало! На внезапный грохот прибегает мамин ухажёр, видит всю красоту, мощь и напор этой картины, и, как результат, падает молча рядом. От отчаяния я его даже хотел пнуть прямо со всей силы, но моя нога, прошла сквозь него, словно его там и не было, в результате я упал, но что это было за падение, я упал, как может упасть перо, невесомая пушинка, нечто мягкое или бестелесное. Чёрт! Необычно, странно, и если бы не эта ситуация, то даже весело!

Я присаживаюсь на корточки возле мамы, внимательно стараюсь рассмотреть её лицо. Оказывается, я даже толком её лица не знал. Она выглядит чуточку старше своих лет, но также красива как в юности на фотографиях. Овал лица практически безупречен. Её подбородок выдаёт волевого, властного, но вместе и любвеобильного, мягкого человека. На бледных губах едва заметные следы помады. Нос с чуть заметной горбинкой, присущей как раз людям её типа, такой нос мог быть, как и у женщины науки, например Ма-

рии Склодовской–Кюри, так и у древнеегипетской царицы Клеопатры. Глаза – это два голубых бриллианта чистой воды, они большие, с красивыми правильными чертами, и если в них долго смотреть, то можно просто утонуть в их глубине, но под ними явственно проступают едва заметные синяки – следы бурной жизнедеятельности. Морщинок на лице не много, но и они в свою очередь только дополняют и подчёркивают красоту её лица. За высоким лбом прячется немного даже мужской склад ума. Волосы длинные, ниже плеч, хорошо уложены, чисты и приятно пахнут любимым маминым шампунем. Одна прядь выбилась из причёски и теперь лежит у неё на лице этаким воздушной паутинкой. К этому лицу хочется притронуться, погладить его, сказать маме кучу приятных слов о любви к ней... Я резко встаю, иду на кухню ждать дальнейшего развития событий.

Мама с очень бледным лицом сидит на кухне, держит в трясущихся руках кружку с крепким кофе. Перед ней на столе лежат какие-то бумаги, по которым она должна оформить документы на смерть. Глаза смотрят в пустоту. ЭТОТ её убежал ещё до приезда милиции. Тело уже увезли, пол она вымыла. День уже вступил в свои права, было слышно как в подъезде, на улице, суетятся, ходят, заводят свои автомобили, спешат на работу, выгуливают своих домашних питомцев, люди. Я сижу тут же, напротив мамы, смотрю на её лицо, от этого мне тоже непереносимо плохо, но было бы хуже, если бы я так и не воплотил в жизнь задуманное. Меня не

перестаёт посещать мысль, о том, что я своей смертью развязал ей руки, она теперь свободна, обузы в виде меня больше не существует, можно устраивать свою жизнь по своему усмотрению, больше её никто не попрекнёт тем, что у неё есть груз в виде несовершеннолетнего ребёнка.

2.

Сегодня день похорон. Только что привезли из морга тело. Собираются родственники, друзья мамы. Все между собой разговаривают, но по глазам видно, что люди, здесь собравшиеся, осуждают мать, все винят только её в случившемся. Я хожу никем невидимый, заглядываю людям в лица, многие здесь только из вежливости. Мама сидит возле гроба, почти ни с кем не разговаривает, всё больше смотрит на тело, лежащее в гробу. Глаза её сухи. Какие-то бабки, между собой шушукаясь говорят, что, мол, вот, дескать, совсем чёрствая, даже над сыном поплакать не хочет. Меня вся эта обстановка сильно злит. Я стою возле гроба, смотрю на своё тело, а в голове вертится когда-то услышанный анекдот, где один наркоман сидит один дома обдолбанный, смотрит в зеркало и вслух размышляет, мол, вот здесь я, в зеркале я, тут в дверь стучат, он спрашивает кто там, там отвечают: «Я», а он и говорит – надо же, и там я. Вот и я: стою возле гроба я, и в гробу лежу я. Странно всё это, непривычно. На кладбище ехать не хочу. Я вообще решаю, что все сорок дней не буду

покидать пределов своей квартиры.

Вот уже почти две недели я, как зверь в клетке, брожу по своей квартире, ставшей мне на время последним моим обиталищем на земле. Скоро пройдёт сорок дней, и я, наверное, навсегда покину земную обитель, да и, скорее всего, забуду всё, что меня связывало с моим последним пристанищем. Отчего-то я решил, что от скуки с ума сойду, но, как оказалось, мне не так уж и плохо. Последнее время я всё больше думаю. Я уже полностью осознал, а где-то, может, и пожалел, что сделал с собой такое. После похорон появился этот – мамин ухажёр, тот, что шлёпнулся рядом с мамой при виде меня. Отчего-то я решил, что у них больше не будет никаких отношений. Я ошибся. Я не знаю, в деньгах ли причина, он зарабатывал довольно неплохие деньги, либо в другом чём, но они всё же стали продолжать встречаться на маминой территории. Мне так хотелось насолить им обоим: ему, понятное дело, особенно, это он забрал у меня маму; ей – потому, что, по всей видимости, она особо и не жалеет о моей потере, после похорон ещё дня два она ходила сама не своя, и всё, дальше её жизнь начинает приобретать другой, непонятный мне смысл. Мою комнату она закрыла на замок, который врезал в дверь этот, очевидно их эта комната смущала. Больше обо мне мама и не вспоминала, я видел, что она сожалела, но как бы это и всё. И временами меня брала такая ярость, что становилось слышно в квартире, как я топая. Мама старалась на это внимания не обращать, а этот,

сильно бледный, сразу же уходил. Когда он ещё взрезал замок в дверь моей комнаты, я, правда, не знаю, как у меня это вышло, но мне удалось включить магнитофон. Он тут же шлёпнулся без сознания, и ещё несколько дней здесь не появлялся.

Так, как-то однообразно и проходили мои последние деньки. Говорят, перед смертью не надышишься, перед которой из них? Если разобраться, то, то, что мне предстоит испытать, будет, пожалуй, посерьёзней смерти моего физического тела, здесь речь идёт уже о бессмертной, а она действительно бессмертная, душе. Я не то, чтобы боюсь, но думаю, всё же в раю мне было бы немного комфортнее, нежели находиться в аду. Вообще-то я знал, на что шёл. Теперь отступать поздно, да и некуда.

Сороковой день наступил. Мама суетится на кухне, потихоньку подтягиваются родственники. Они, как и на похоронах, всё больше шушукаются про мамину нынешнюю жизнь. Где-то ближе к полдню, как и обещали, появляются те двое мужчин в белом. Похоже пора. Пора покидать этот уютный дом и сменить его на нечто более неприхотливое. Но их решение было для меня полной неожиданностью. Они рассказали, что ежегодно совершается очень большое количество детоубийств, и это не по неосторожности родителей, а именно с умыслом родителей. Даже есть такие матери, которые продают своих детей, но всё больше спившихся родителей, которым был бы стакан налит, а родные чада, что

очень часто случается, должны ещё и денег принести, чтобы этот стакан наполнить. И все эти взрослые люди практически не несут никакой ответственности за свои деяния, большая их часть преспокойно доживает до глубокой старости, а есть такие, что и повторно совершают аналогичные преступления по отношению к детям. Мне же они предложили стать в своём роде правозащитником детской невинности, наказывать провинившихся родителей в зависимости от их преступления, это, так сказать, суд от бога и дьявола, ибо это право дают они вместе.

3.

Тут в голове у меня зашумело и что-то щёлкнуло, словно оборвалась какая-то ниточка, до сих пор связывающая меня с миром живых. И вот тут я вспомнил ВСЁ! Конечно, мне не четырнадцать лет, и даже не одна тысяча, а много и много больше. Я вспомнил все свои прежние жизни, вспомнил, для чего я их проживал, какие уроки при этом мне приходилось извлекать, и как впервые я познал любовь, и как чуть не стал приверженцем Люцифера. Всё это было, но и теперь всё это также актуально и чётко всплывает в моём сознании. Теперь я свободен от своих земных привязанностей. Я везде и нигде одновременно. Я могу делать всё, что мне угодно, могу принимать любой облик, даже могу выдать себя за живого человека. Могу прийти во сне и забрать с собой навсегда, мо-

гу только наказать, а могу и довести человека до самоубийства. Я вижу и слышу тысячи людей, я чувствую их отношения между собой, и в некоторых случаях способен предотвратить смерть невинного ребёнка (не для того душа проходила столь тяжёлый и опасный путь, чтобы в первых годах лишиться жизни, жизнь Бог дал, он и заберёт). Власть мне дана очень большая, но пользоваться ей нужно осторожно и умело, иначе она может привести к печальным последствиям.

Моя мать, пусть и не прямо, пусть косвенно, но виновата в моей смерти. Я просто обязан что-то предпринять. Не хочу причинять ей зла. В душе я простил её. Что делать не знаю, но для начала думаю показать маме всю оборотную сторону её бой-френда. Я стал приходить к нему во сне, и говорить, чтобы он отказался от задуманного. Его сломить не так просто оказалось. Ссылаясь на то, что ему негде жить, он стал уговаривать мать прописать его в этой квартире. За её спиной он уже подыскивал покупателя на квартиру. Однажды, когда мама дома делала уборку, я уронил папку, спрятанную за задней панелью плательного шкафа. Она это услышала, подняла её, расстегнула, так и замерла, увидев её содержимое. В ней находились документы на квартиру, в том комплекте, который нужен для продажи. Она не могла поверить своим глазам. Вечером пришёл этот. Он увидел мать, сидевшую на кухне, перед ней лежали те самые документы. Поняв всё без слов, он начал орать, что да, он хочет продать эту

квартиру, и она нужна была ему только для этого, и что у него есть настоящая любовь, молодая, не то, что она, да ещё с выbledком. Теперь, когда меня не стало, он приступил к действиям, и если бы она не нашла документы, то уже через неделю всё было бы закончено. Мама схватилась руками за сердце, упала на пол без сознания. Он вызвал «скорую». У мамы оказался обширный инфаркт. Пробыв три дня в коме, не приходя в сознание, она умерла. Я просто не мог поверить.

Где верх, где предел человеческой подлости? Почему люди порядочные умирают так рано, а подлецы, вроде ЭТОГО, будут жить долго. Его совесть не мучает. Ему просто очень и очень жаль, что сорвалась такая махинация с квартирой. Он будет искать новую жертву. И, скорее всего, он её найдёт, и тогда всё у него получится, а что будет с той, очередной жертвой, ему наплевать, это его бизнес. Я во что бы то ни стало должен, нет, просто обязан, его остановить, такие люди не должны жить, им не место в цивилизованном обществе. И, тем не менее, таких вот много. Их не просто много, они, как правило, красивы, харизматичны, всегда хорошо одеты, всегда при деле, всегда при деньгах. Что это? Ирония жизни? Большинство, не имея и десятой доли всего этого, стремятся к каким-то возвышенным целям в жизни, живут для пользы обществу, готовы снять с себя последнюю рубашку ради помощи ближнему, и, в большинстве случаев, она действительно последняя.

Вскоре маму похоронили. Квартира отошла родственникам, которые побоялись в ней жить, и решили, пока вся эта история не позабудется, с квартирой ничего не предпринимать. Забегая вперёд, скажу, что квартира почти два года так и простояла пустая. Я часто бывал там, мне нравилось в этих тихих стенах вспоминать разные случаи, из своих прежних жизней. Вся эта кутерьма на земле, это всего лишь небольшие уроки, для бессмертной души, ибо совершенству нет предела. Проживая одну жизнь за другой, душа совершенствуется, становится мудрее, и чем мудрее душа, тем сложнее для неё уроки на земле. И для каждой души отведена специальная роль в условиях человеческого общества, только от её мудрости зависит, насколько она с нею справится. Многие не выдерживают, например, как я, а многие, наоборот, рождаясь в самых неблагоприятных семьях, достигают невысказанных высот на олимпе человеческих взаимоотношений, становясь теми, кто делает политику, моду, культуру, искусство, науку. Однажды, сидя так в квартире и о чём-то размышляя, я услышал, как кто-то вставил ключ в замочную скважину, и стал медленно открывать дверь. Дверь открылась, на пороге стоял он, тот самый мамин ухажёр, из-за которого её не стало. Такая наглость меня просто ошеломила. Я принял облик своей матери, и как ни в чём не бывало, преспокойно вышел к нему навстречу из кухни, со словами: «Ты уже вернулся, дорогой?». У него аж волосы стали на голове дыбом, он кинулся было бежать, но дверь вдруг

захлопнулась перед самым его носом, он потерял сознание. Через несколько часов проходящие мимо квартиры соседи, услышали за дверью странное бормотание, решив, что это грабители, они вызвали милицию. Когда милиционеры вместе с нашими родственниками открыли дверь, то увиденная ими картина повергла их просто в шок: на полу в коридоре сидел непонятного возраста человек с полностью седой головой, он неотрывно смотрел в одну точку на стене, слегка покачивался из стороны в сторону и при этом всё время что-то нечленораздельное бормотал про себя. Его увезли в психушку. Он и до сих пор не пришёл в себя, вероятнее всего, он проведёт там остаток своей жизни.

Следственная группа открыла дверь в квартиру. В одной из соседних квартир кто-то негромко играл на пианино «Лунную сонату» Бетховена. В коридоре был полумрак, свет проникал туда только из-за стекла двери, ведущей на кухню. Возле стены, прямо на полу, в дорогом костюме, сидел неопределённого возраста человек. Свет, проникавший из кухни, падал на голову этого человека – уже полностью седую голову. Возле его ног образовалась небольшая прозрачная лужица, однозначно говорившая о своём происхождении. Человек смотрел в одну точку, на противоположной стене, при этом слегка покачивался из стороны в сторону,

как бы в такт сонате Бетховена. В воздухе стоял непонятный запах. Один из опытных оперов сказал, что так пахнуть может только одно – смерть. Но человек был жив, а может уже и нет? Если считать жизнью его нынешнее состояние – состояние одноклеточного существа, то он протянет ещё довольно долго. У него так и не выгорела эта афера – афера с квартирой, и ему уже было всё равно. Его больше ничего не интересует. Что он чувствует, ощущает, видит, слышит, известно только ему одному, но он этого, скорее всего, не понимает, и вряд ли когда уже поймёт. Теперь он всего лишь безвольный подопытный кролик, которого суровая рука Фемиды до конца жизни определила в больницу, в условия, минимально приближённые к человеческим.

Глава 2.

1.

Два года спустя.

– Разумеется, – с иголки одетый мужчина средних лет, обводя взглядом квартиру и сильно жестикулируя, пытался как можно красочней представить всю выгоду сделки молодой и красивой женщине, стоящей посреди комнаты, вопро- сительно смотрящей на сына, и глупо при этом улыбающей- ся, – я могу предложить вам ещё с десятков вариантов, но, смею уверить вас, это будет самым удачным выбором, с учё- том цены, объёма жилой площади и места расположения до- ма. Он замолчал на какое-то время, сильно наморщив лоб и при этом что-то усиленно старался вспомнить, затем, с вне- запно просиявшим лицом, поднял кверху указательный па- лец правой руки и широко, обаятельно улыбаясь, добавил, – кстати, чуть не забыл, обратите внимание на архитектуру до- ма – это одна из последних построек в стиле сталинского ам- пира, сейчас так прочно и просторно, к сожалению, уже не строят.

Так говорил дилер, показывая очередным клиентам квар- тиру в центре города. В общем, дилер говорил правду, дом,

хоть и не из новостроек, но и ещё не старый располагался в центре города, имел пять этажей и довольно чистый и уютный подъезд, в виду того, что жильцами преимущественно являлись пенсионеры и трое нуворишей, относящихся к чистоте подъезда как к чистоте в своей квартире. Цена на квартиру была относительно даже очень скромной. Переделанная из трёх– в двухкомнатную квартира имела большую кухню и как это сейчас модно, плавно переходящую в столовую, остальные же две комнаты не были из ряда царских опочивален, но после ремонта выглядели уютно и казались даже больше, чем они есть на самом деле. Семья, состоящая из двух человек, матери и сына двенадцати лет, была довольна увиденным, т.е. тут было всё, что и было нужно: отдельная комната для парня, комната для матери и столовая, одновременно служащая гостиной. Дилер торопился на следующее деловое свидание, и поэтому, наскоро договорившись об оформлении документов, поспешно ретировался.

– Вот, Вовчик, мы и нашли себе новое жильё, и надеюсь, что надолго. – Как-то глубоко и облегчённо вздохнув, проговорила Ольга Николаевна, обращаясь к своему сыну. – Через пару недель будут готовы документы, и мы сможем, наконец, съехать с этой ужасной гостиницы.

Ольга Николаевна Безымянная, стройная с красивым лицом бальзаковского возраста женщина, была человеком яркой индивидуальности с острым умом. Безупречно воспитанная и абсолютно независимая, она относилась к своему

материнству не без некоторой тени фанатизма. Ещё на первом курсе педагогического института, Ольга, забеременев и ничего ни сказав об этом молодому человеку, причастному к столь щекотливой ситуации, поспешила с ним разорвать все отношения. Конечно, родители были не в восторге от такого положения вещей, но спорить с дочерью не стали, а просто помогли воспитать сына. К слову, о родителях. Отец Ольги Николаевны обладал, что называется, предпринимательской жилкой, и на фоне после перестроечной неразберихи сумел заработать кое-какой капитал, неоднократно его умножив, сейчас обладал капиталом уже солидным и имел широко разветвлённую сеть книжных магазинов. После окончания института Ольга Николаевна пошла было работать в школу преподавателем иностранных языков, но, как это часто бывает, работа не пришлась ей по вкусу. Не без помощи отца пробовала себя ещё в двух – трёх различных ипостасях, впрочем, также без успеха, пока, наконец, её не пригласил в наш город на работу переводчицей в большую и имеющую свои филиалы за границей фирму, бывший сокурсник, одно время очень ей увлекавшийся. Родители, хоть и не были в восторге от такого предложения, мешать не стали, а, напротив даже, дали денег на покупку квартиры, обстановки и, что называется, на первое время. Таким образом, и оказались в нашем городе Ольга Николаевна с сыном, в котором она просто души не чаяла.

Новая работа Ольге Николаевне понравилась. Конечно, первое время зарплата небольшая, но очень многообещающие перспективы, а главное это возможность карьерного роста. Она в совершенстве владела тремя языками, а присущая ей дипломатичность делала её на ступеньку выше остальных сотрудников. Вовчик пошёл в новую школу. Новая обстановка, новые учителя, стали появляться новые друзья. В общем и целом к своему переезду на новую квартиру они уже как-то обжились и притёрлись к новой обстановке. Переезд прошёл без эксцессов, в общем, у них и вещей-то не было, так что почти всю мебель ещё неделю привозили из магазинов и устанавливали.

– Вовчик, как сегодня отучился? – Такие дежурные вопросы Ольга Николаевна задавала каждый день, хотя и знала примерные на них ответы. – Звонил дед, обещал приехать в гости к новому году. – Она находилась на кухне, что-то сообщая на скорую руку, одновременно проверяя его дневник.

– Знаешь, мам, историчка невзлюбила меня, вроде и отвечаю не хуже других, а больше тройки всё равно не ставит.

– Ты бы меньше к учителям придирался, а больше уроки учил, впрочем, скоро будет школьное собрание, я поговорю с ней. – Обиженный тон сына однозначно указывал на то, что всё же в данном положении вещей виноват только он сам.

– Вот-вот мам, поговори. – Вовчик бросил в комнату сум-

ку с учебниками и уже стоял на кухне с полным ртом и что-то жевал.

– А ну марш мыть руки, и что это за привычка есть на ходу, и всухомятку. – Ольга приготовила обед и накрывала на стол.

– Володя, я уже которую ночь слышу, как ты во сне разговариваешь, может, расскажешь, что случилось? – Лицо матери приняло серьёзный и озабоченный вид.

– Как только мы переехали сюда, мне стали сниться очень странные сны, и всегда в них присутствует один и тот же незнакомый человек. – Володя состроил недовольную гримасу, давая понять, что этот разговор ему неприятен.

– Очень странно, вроде раньше у тебя таких проблем не было. Если не хочешь рассказывать, не надо, но к психологу обратиться придётся, – видя уже совсем недовольное лицо сына, она повысила голос, – а вот спорить со мной, я не рекомендую, к врачу ходим, тогда и будешь спорить.

Они переменили тему разговора на более благоприятную и принялись за обед. Но, между тем, сон, о котором умолчал Володя, был весьма непростой. Зря он себя успокаивал тем, что это всего лишь сон. Сон стал преследовать его наяву, так, что мальчик постоянно находился в состоянии какой-то про-страции, окружающая его действительность превращалась в вымышленный мир и он с головой в него погружался.

Володя оказывался в каком-то тёмном и незнакомом месте, похожем на подземные катакомбы, долго блуждал там и не мог найти выхода, но в самую минуту отчаяния появился молодой парень, брал его за руку и выводил оттуда. Но выводил не куда-то на улицу, а они оказывались в ещё более жутком месте. Сначала они шли по длинному коридору с красными стенами, затем попадали в большое помещение, нечто вроде выставочного зала. Стены его были задрапированы какой-то странной тканью тёмно-вишнёвого цвета, когда ткань шевелилась, то создавалось впечатление, будто по стенам бежит кровь. Сводчатый потолок был расписан библейскими сюжетами страшного суда. С него свисало несколько золотых канделябров с горящими свечами, излучающими алый свет. Пол, в свою очередь, тоже был расписан – огненная геенна поглощает грешников, вырывающихся из неё, простёртые кверху руки, немой страх в глазах, лица, искажённые невыносимой, бесчеловечной и никогда не прекращающейся болью, – всё это заставляло буквально трепетать, только от одного здесь присутствия. На стенах висело множество очень красиво выполненных и выдержанных в духе живописцев эпохи возрождения женских портретов. При внимательном рассмотрении они казались живыми, и даже можно было заметить, как они меняют мимику: сейчас они улыбаются, а через минуту уже смотрят враждебно. Молодые люди подошли к дальней стене, возле которой сто-

ял массивный шикарный кожаный диван, и присели на него. Как бы Володя не вглядывался в лицо парня, он его просто не видел, видны были лишь едва заметные черты, как если бы вы делали набросок к портрету. Но, несмотря на это, парень говорил голосом ровным и красивым. Одет он был в безупречный дорогой костюм с красивыми запонками из белого и, вероятно, драгоценного металла вместо пуговиц. Во всё время их здесь присутствия из стен слышался непрерывный, едва уловимый стон, но стоило заговорить парню, как стон прекращался, а его голос равномерно растекался по помещению и обволакивал зачарованного слушателя. Парень провёл рукой по воздуху, указывая на картины, и произнёс:

– Вот, смотри, как тебе нравится моя коллекция убитых мною матерей? – При этом вопросе он, казалось, с любовью оглядывал свои картины.

– Не молчи, отвечай, мне интересно твоё мнение. – Создавалось впечатление, что именно этим он решил завоевать расположение мальчика.

Володя внимательно всматривался в картины. – Они, что живые?

– И да, и нет, это их души живут в этих картинах.

– За что ты их убил? – Ощущение ужаса и страха прошло, теперь Володе было любопытно, зачем он здесь?

Парень встал, подошёл к одному из портретов, на котором была изображена совсем юная, почти девочка, женщина, и ткнул пальцем прямо ей в лицо.

– Вот эта, – он произнёс эти слова злобно и отрывисто – этой не было ещё и шестнадцати лет. Своего новорожденного ребёнка она просто выбросила в мусорный бак. Эта, – он подошёл к портрету, где была изображена женщина постарше – задушила малютку, когда ей не было ещё и недели. Эта, – он подошёл к третьему портрету – в декабре месяце, живого месячного сынишку отнесла на пустырь и оставила там умирать. Я могу рассказать тебе подноготную всех этих женщин, и, поверь мне, ни одна из них не заслужила снисхождения. А эта вот, – он подошёл к отдельно висящему в огромной золочёной раме портрету, указывая на него рукой – это моя мать, но про неё говорить мы не будем. – Он остановился возле этого портрета, повернулся лицом к Володе и встал в ожидании услышать его реакцию на всё здесь услышанное.

– Печально всё это, и, мне кажется, что за содеянное ты сам себя наказываешь. – Володя подумал минуту. – А я тебе зачем?

– Мне нравятся ваши с матерью отношения. Я решил помогать вам, и если нужно, то защитить.

– Но от кого?

Ответа не было. На этом сон заканчивался. Парень стал приходить почти каждую ночь. Имени своего он так и не называл. У них завязалось нечто вроде дружеских отношений. В снах они стали бывать в разных интересных местах, много разговаривали, обсуждали множество проблем. Но вот уже

как два дня он не приходил. Это и вызвало определённый дискомфорт у Володи.

4.

Сегодня, как и обычно, они поужинали, посмотрели по телевизору фильм и разошлись по своим комнатам спать. Володя уснул быстро, спал беспокойно, снилась всякая жуть. Глубокой ночью, сквозь сон, он почувствовал странное беспокойство, словно кто-то за ним наблюдает. Он открыл глаза, полная луна ровным светом освещала комнату, все предметы были отчётливо видны, но взгляд его остановился на зеркале. Зеркало располагалось на трюмо, напротив кровати, и отражало его постель. Зеркало не отражало привычно комнату, в нём была незнакомая обстановка. На большом тёмно-вишнёвом кожаном диване, скрестив на груди руки и сложив ноги одна на другую, сидел одетый в отличный строгий костюм молодой человек и пристально вглядывался в спящего. Через какую-то секунду он заметил, что Володя проснулся и испуганно смотрит на него. Тут же в зеркале всё встало на свои места. Володя заметил его, он почувствовал, как мурашки предательской дрожью пробежали по спине, а волосы на голове зашевелились. Страх объял его буквально на пару минут и быстро отступил, оставив место недоумению. Сон пропал, и до утра он так и пролежал с открытыми глазами, обдумывая случившееся. Мысли кучей роились в

голове, приходя одна на смену другой, возникало множество бредовых фантазий и иллюзий, но он так ничего и не решил, что бы это могло быть. В конце концов он пришёл к самому на тот момент более оптимальному выводу. Всё увиденное просто померещилось спросонья. Таким образом успокоив себя, он погрузился в непродолжительный сон.

Утром Володя вставал тяжело. Ольга Николаевна отметила, что Володя неважно выглядит. Она даже решила, что он заболел, и заставила смирить температуру. Впрочем, он и не сопротивлялся. Он действительно не выспался, и у него болела голова, настроение было скверное. После недолгих переговоров, она всё же согласилась оставить его на сегодня дома, пообещав по дороге заехать в школу и сообщить об этом классному руководителю.

5.

Здесь я позволю себе небольшое отступление. Дело в том, что отношения Ольги Николаевны и сына были не так просты, как казалось бы на первый взгляд. Сама Ольга Николаевна была воспитана в очень строгой, а главное, насколько это вообще возможно в советском обществе, аристократической обстановке. Бабушка и дедушка по материнской линии носили очень звонкую и некогда знаменитую в России дворянскую фамилию и являлись потомственными графами. Поскольку, как это часто бывает, родители много ра-

ботали и были людьми занятыми, то дочку, в силу обстоятельств воспитали всё же бабушка и дедушка, нежели её родители. В Ольге они души не чаяли, воспитывали её по-своему, приучая к хорошим манерам, учила она три языка, прививали вкус к музыке, живописи и вообще к искусству. Как следствие, Ольга выросла умной и образованной женщиной. После студенческого романа и рождения сына отношения с мужчинами у неё как-то не сложились, а вскоре она и сама решила во что бы то не стало самой воспитать и поднять на ноги сына. То ли эта черта характера была врождённой, то ли это недостаток воспитания, но как бы там ни было, она своего добилась. К своим неполным тринадцати годам Володя имел уже достаточно всестороннее и довольно неплохое образование: он свободно говорил по-английски; играл на фортепиано на уровне музыкальной школы; занимался фехтованием и обладал аристократическими манерами. На самом деле Ольга просто обожала сына. С самого раннего детства их отношения были очень доверительные. Володя никогда и ничего не скрывал от матери. Всё ей рассказывал, делился всеми впечатлениями и внимательно вникал её подсказкам и советам. Несмотря на такие отношения, Володя всё же не был маменькиным сынком и имел на всё свои взгляды и принципы, он никогда не прятался за материнскими юбками, умел, в случае необходимости, постоять за себя, и среди ровесников, как в классе, так и вне школьных стен, имел свой авторитет и пользовался уважением у окружающих. В

общем, их семью можно было бы назвать даже идеальной, если особенно учесть то понимание и внимательность, с какими они относились друг к другу.

И этим странным утром Ольга отнеслась с пониманием к своему сыну. Температуры у него не было, впрочем, как и других признаков болезни. Про себя она рассуждала так – раз он не хочет идти в школу, то, возможно, он просто устал, или у него есть свои на то причины, о которых нет необходимости говорить, – но так или иначе она оставила его дома. И такие маленькие капризы с его стороны она просто относила к переходному возрасту ребёнка.

Глава 3.

1.

– Виктор Сергеевич! – В кабинет, обставленный по последнему писку дизайнерского искусства, к своему начальнику вошла длинноногая, прекрасного телосложения секретарша. Она прошла через весь кабинет, обошла кресло сзади, положила свои руки ему на плечи, приблизилась губами к его уху, и тихим, даже слегка эротичным, голосом промурлыкала:

– Дорогой! Ты чаю хочешь?

Виктор Сергеевич, солидный мужчина лет примерно сорока, даже и не заметил, как подошла Светлана Борисовна. Сейчас он был необычайно занят: никак не мог пройти первый уровень новой компьютерной игры. Он нажал на паузу, повернулся к ней всем корпусом, с минуту бестолково смотрел ей в лицо, очевидно пытаясь вспомнить где он и кто он, и только полностью опомнившись, мягким голосом, улыбаясь произнёс:

– Как обычно, киска. Чашечку кофе, сто пятьдесят копейку и лимончик. – При этом потянулся, вынул из пачки и прикурил ароматную сигарету, глубоко затянулся, и, положив её на край пепельницы, снова погрузился в игру.

Примерно таким образом и начиналось почти каждое рабочее утро в офисе Виктора Сергеевича. Человек он был чрезвычайно занятой: до обеда, он резался в компьютерные игрушки; после сытной еды, он предпочитал с часик отдохнуть – поваляться; затем он делал несколько телефонных звонков – по работе; ещё с час разбирался с делами; и в конце рабочего дня приятно проводил время в обществе красивой секретарши. Таков был распорядок рабочего дня шефа Светланы Борисовны Бездомной.

Светлана Борисовна, или просто Света, была красивой, высокой, молодой девушкой, не так давно приехавшей покорять большой город, из захолустного провинциального села. Так уж сложилось, что ещё в раннем возрасте она осталась на попечении бабушки и дедушки. Родители её развелись и разъехались в разные стороны устраивать свою личную жизнь, причём оба, похоже, что навсегда, забыли о существовании своей единственной дочери. Образования у неё практически не было, уже переехав в город, она смогла окончить курсы секретарей, а работу эту получила вообще случайно. Её, тогда ещё будущий шеф, кстати, очень падкий на длинные ноги и смазливые личики, заметил на курсах, куда он приходил время от времени посмотреть на новеньких свеженьких девиц, и не замедлил пригласить к себе на работу, так как бывшая секретарша уже порядком успела надоесть, и ему нужна была, что называется, свежая кровь.

Их отношения ни в коем случае нельзя было назвать лю-

бовью. Такие отношения между начальником и секретаршей случаются довольно часто. У них всё было очень и очень просто. Она: она, помимо своих рабочих обязанностей, выполняет кое-какие его небольшие прихоти: ходит с ним на приёмы, вечера; позволяет ему выговориться, накричать на себя, выпустить, что называется, пар; поскольку шеф не был женат, то изредка приходила к нему домой прибраться, приготовить еду; ну и, разумеется, выполняла все его сексуальные фантазии. Он: он, помимо зарплаты, обеспечивает её жильём, кое-какими безделушками, деньгами; водит её на всевозможные культурные предприятия (театр, опера, балет, премьерные показы фильмов); знакомит её с влиятельными людьми, чьи связи могут пригодиться в будущем; в общем, выполняет все те нехитрые обязанности, которые в таких случаях выполняют все любовники. Он такой жизнью жил уже не первый год, ему всё нравилось в их отношениях, его всё устраивало. Она давала себе отчёт в том, что рано или поздно это их содружество прекратит своё существование, на счёт семейной жизни она иллюзий не строила, а просто потихоньку копила деньги, что называется на чёрный день, и такое положение дел её тоже удовлетворяло.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.